

АЛЕКСЕЙ
ЕФИМОВ

КОГДА
МЕЧТЫ
БЫЛИ
БОЛЬШИМИ

Алексей Ефимов

Когда мечты были большими

«Издательские решения»

Ефимов А.

Когда мечты были большими / А. Ефимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740480-2

«Потрясающая история жизненного пути и реализации БОЛЬШОЙ МЕЧТЫ». «Вдохновляющий роман о многих из нас и наших собственных мечтах». Главный герой книги, бедный студент, хотел стать рок-музыкантом и говорил о свободе. Но прошли годы, и он стал богатым хозяином мясокомбината. Теперь его гитара пылится в углу, партнер по бизнесу развязывает войну, а семейная жизнь катится под откос. Он мечтает мелко и уже не хочет изменить мир. Как сделать так, чтобы мечты снова стали БОЛЬШИМИ? Как реализовать их?

ISBN 978-5-44-740480-2

© Ефимов А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Юность. Одиннадцать лет назад	6
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	35
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Когда мечты были большими

Алексей Ефимов

Некогда мечтали они стать героями – теперь они сластолюбцы.
Фридрих Ницше

Дизайнер обложки Алексей Ефимов

© Алексей Ефимов, 2021

© Алексей Ефимов, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4474-0480-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Юность. Одиннадцать лет назад

– Саша, сыграй что-нибудь!

Откинув с лица прядь темных волос, Вика взяла железную кружку с отбитой по кругу эмалью и сделала глоток пива.

– Айн момент! – Саша спрыгнул с кровати. – Повисить градус?

– Не-а, не надо, мне хватит.

Вика сидела на койке в позе полулотоса, с раздвинутыми коленями и скрещенными лодыжками. Трусиков на ней не было, и черная майка мягко лежала на бедрах.

Саша завис на мгновение.

– Нравится? – она улыбнулась.

– Да.

– А мне нравится, как ты смотришь.

Сделав ерш из пива и водки, он вновь скользнул взглядом по голым ногам Вики и взял в руки старенькую гитару:

– Что играем?

– Цоя.

– Что именно?

– Что хочешь.

– Все.

Он протянул руку, провел ладонью по внутренней стороне бедра Вики – двигаясь от колена вверх – и забрался под майку.

– Мало было? – Вика улыбнулась.

– Да.

– В чем тогда дело?

Он отставил гитару в сторону.

Обняв Виду, он поцеловал ее в то место, где на шее бился пульс. Прижав зубами маленькую жилку, он отстранился через мгновение и посмотрел на следы, оставленные на коже зубами:

– Можно я выпью крови?

– Для тебя не жалко. – Глядя в его подернутые водочной дымкой глаза, Вика придвинулась ближе и закинула руки за его шею. – Пожалуйста...

Их губы встретились.

Желтый ущербный месяц с завистью смотрел на них из распахнутого настежь окна студенческого общежития.

Он одиноко висел в темном небе над городом.

Через несколько минут Саша снова взял в руки гитару:

– Ready?

– Да.

В глазах у Вики марево. Медленно тает улыбка. Она не здесь. Где-то там.

Он улыбнулся и ударил по струнам. Сыграв вступление, он запел звонким чистым голосом:

*«Начинается новый день,
И машины туда-сюда.
Раз уж солнцу вставать не лень,
И для нас, значит, ерунда.*

*Муравейник живет,
Кто-то лапку сломал – не в счет.
А до свадьбы заживет,
А помрет – так помрет».*

Покачивая головой, Вика подхватила припев:

*«Я не люблю, когда мне врут,
Но от правды я тоже устал.
Я пытался найти приют,
Говорят, что плохо искал.
И я не знаю, каков процент
Сумасшедших на данный час,
Но если верить глазам и ушам,
Больше в несколько раз».*

Песня летела в темное небо позднего майского вечера.

Внизу, на лавке, пили пиво студенты и ржали как кони. В пятиэтажке напротив гас свет. Там бургеры шли спать, жалуются на пьянку под окнами.

Теплые весенние запахи смешивались в комнате 600 с легким алкогольным амбре.

Было девятое мая девяносто шестого.

Вика и Саша вернулись с праздничного салюта на площади Ленина. Там при каждом залпе орудий пьяные массы орали с надрывом «Ура-а-а!» и «О-о-о!», а сила эмоций определялась не только мощностью и красотой залпов, но и степенью алкогольного опьянения. Это был праздник жизни для нескольких тысяч зрителей, яркая вспышка в серости будней. Вика и Саша стояли на граните у ног бронзового Ленина ростом в шесть метров, а вокруг, сколько хватало глаз, бурлило море: плечи, головы, вскинутые вверх руки. Когда последний залп сотряс окрестности и в черном небе над площадью лопнул красный огненный шар, Вика и Саша вернулись в общагу. Они шли по спящему Центральному парку, по главной аллее, мимо выключенных аттракционов и темных киосков «Мороженое», останавливались и целовались.

В общаге они время зря не теряли.

Сашины соседи по комнате разъехались по мамам и папам, поэтому на целых три дня комната была в их полном распоряжении. Три дня! Это не случайное стечение обстоятельств. Саша сам выковал свое счастье, зная о планах соседей. Он съездил к родителям, в дымный Новокузнецк, на прошлой неделе – когда здесь пили без просыху в честь Первомая и выбили дверь в туалете – а сегодня остался с Викой, жаркой девушкой из края бледных нефтяников. Только два раза в год, на летних и зимних каникулах, она летала на родину, в Нефтеюганск, и это было грустное время для них обоих. К счастью, сейчас они вместе. Впереди у них два дня для взрослой романтики.

В комнате номер 600 площадью пятнадцать квадратов, где жили трое студентов Новосибирского института народного хозяйства (НИНХа, Нархоза), этим вечером был идеальный порядок: пол вымыт, залежи грязной посуды вычищены, а местная рыжая живность спряталась от страшной, пахнущей смертью тряпки. Сразу видно – женщина в доме.

Интерьер не отличался изысканностью: стол, три кровати, шесть настенных полок (по две на брата), пять тумбочек (на двух из них, сдвинутых вместе, стояла двухкомфорочная плита под слоем темного жира), встроенный шкаф с тремя секциями, две из которых были выделены под гардероб, а третья – под кухонные нужды; старенький холодильник с треснувшей ручкой; черно-белый телек на подоконнике. На полу – три одеяла (синее, серое и коричневое), у входа – красный бабушкин ковер; бежевые шторы под шелк на окне. Все не первой све-

жести. Выцветшим и вышарканным обоям лет двадцать, не меньше. В них дырки и дырочки от нынешних и прежних хозяев. Пятна тоже присутствуют. Постеры с девушками и рокерами держатся на клее, скотче и зубной пасте.

В комнате выгородили прихожую, метр двадцать на метр двадцать. Спросите, где взяли стройматериалы? Где-то в общежитии, в темное время суток, лучше не спрашивайте. Строительство стен стало местной традицией, с которой год за годом безуспешно боролась коменда. Еще больше ее злило, когда крали двери с временно пустующих комнат. На старой кровати с вытянутой до пола сеткой спать некомфортно, вот и клали под сетку дверь. Срезали лезвием номер комнаты, жирно выведенный черной краской, и скручивали замок. Дверь обезличивали. Если увидит ее коменда под сеткой и спросит, скажешь, что так было и знать ничего не знаю. Спрашивайте у тех, кто жил здесь раньше.

За три года Вика привыкла к общежитию: к здешним красотам и пище, к людям и прочей живности, уже не чувствовала прежнего страха ночью, когда кто-то ломился в комнату (парни из блока напротив выпили и жаждут общения), – но жить здесь она бы не стала. Даже с Сашей, будь такая возможность. Три ночи – это романтика, три года – ужас местного быта. Один санузел чего стоит, не к столу будет сказано. В нем вечная сырость, часто нет света, а когда нет света, люди бьют мимо цели, в особенности по пьяни. Хочешь принять душ? Он один на общежитии, вечером в него длинная очередь. На каждом этаже есть общая кухня, где никто не готовит. Там груды мусора, смрад страшный, бегают мыши и тараканы. Студенческая общежития – не место для барышень-неженок. Когда-то, на заре их отношений, Саша чувствовал себя неловко, когда Вика сталкивалась с местными прелестями, но вскоре вытеснил это чувство. С милым и в шалаше рай. Вика любит его, а он без ума от нее. Он счастлив. Нет его вины в том, что он живет здесь, в этом хлеве. Были бы деньги – съехал бы в ту же секунду. Но денег нет, и фиг с ними. У него есть Вика, вот что главное.

Они встретились на вечере первокурсника и сразу влюбились друг в друга. Сказка? Нет, так бывает. Они продолжили вечер в общежитии и ночь провели вместе. Сначала они целовались и стягивали друг с друга одежду, делая это тихо (в комнате спали пятеро, трое из них – на полу), а дальше был секс. Скрипела койка, и Вика хватала воздух открытым ртом. Чувствуя близость финала, Саша не отставал. Теперь им было все равно, слышат ли их, видят ли. Если слышат и видят, пусть завидуют. В последний миг Вика крепко прижала его к себе, делая ему знак, и он ее понял.

Вика стала его первой женщиной, а он не был ее первым мужчиной. Когда он спрашивал, кто был тот счастливчик – из любопытства, а не из ревности – она мило отшучивалась, да и ладно. Меньше знаешь – крепче спишь. Прошлого не имеет значения. Они живут в настоящем.

Вика влюбилась в хиппи – так она говорила.

В тот памятный вечер Саша надел рваные джинсы и майку на выпуск. Этим он вызвал тихий гнев преподавателей и привлек внимание Вики. Она улыбнулась ему, а он – ей.

Он был рокером, а ей нравился рок.

Еще в школе, в пятнадцать лет, он вместе с друзьями создал рок-банду «Тяжелый урок» и все свободное время проводил в школьном подвале, где им выделили комнату для репетиций. Он играл на простенькой электрогитаре, купленной с рук, пел, и хотел посвятить жизнь музыке. Он был готов бросить учебу, если потребуется.

Тогда же он впервые влюбился по-взрослому.

Их группа играла в школе на дискотеке. Он заметил со сцены, что девушка из параллельного класса смотрит на него с восхищением. Это обстоятельство подвигло его на выпиливание такого длинного, быстрого и сложного соло, что он сам себе потом удивлялся – лучше, чем тогда, он, кажется, никогда не играл. Чувствуя на себе взгляд девушки, он был гитарным богом. После концерта он подошел к ней, и следующие одиннадцать месяцев они были вместе.

Через год, в девятнадцатом третьем, он поступил в НИИХ, где встретил Вику.

Их встреча была не случайна. Соединились две части целого, сближавшиеся год за годом в пространственно-временном континууме. Мировоззрение и ценности – общие. Рок-музыка, пиво, секс в подъездах и лифтах – хобби. Если бы они жили в шестидесятых, то были бы хиппи. Жаль, то время ушло безвозвратно, вместе с детской наивностью и любовью. Нынешний мир – мир «1984» Оруэлла. В нем много злости и серости. В нем скучные роли и функции. Люди-роботы. Страх. Двоемыслие. Мало кто может вырваться. Только ЛЮДИ. Саша и Вика много говорили об этом. Любимой книгой Саши был роман Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки», и он хотел быть МакМерфи. Прочь от штампов! Нет правилам! Нет смиренным рубашкам!

Полпервого ночи.

Он поет под гитару, взбадриваясь коктейлем из пива и водки, а Вика ему подпевает, выкуривая сигарету за сигаретой. Водится за ней такая привычка под хмелем, так-то она не курит.

В соседней комнате спят, но это их не волнует.

Тем, кто ложится спать – спокойного сна.

Часть первая

Глава 1

– Рассказывайте, Дмитрий Олегович.

– Александр Александрович, вариантов несколько, – Дмитрий Белявский, широкоплечий пышущий здоровьем коммерческий директор ОАО «Мясная империя», раскрыл пластиковый скоросшиватель с кольцами.

Он сидел по левую руку от генерального. По правую руку сел финансовый директор, а рядом с ним – директор по производству.

Белявский протянул листы шефу.

– Вариант первый – «Мясные радости», второй – «Сибирские деликатесы», третий – «Мясные сказки», – сказал он увесистым баритоном. – Здесь предложения по дизайну.

Выслушав его, Беспалов быстро просмотрел варианты.

– Сами сделали? Или агентство? – спросил он, глядя в упор на Белявского.

– Агентство. – Тот выдержал пристальный взгляд шефа.

Было заметно, что он напряжен и чувствует себя неуютно.

– А сами? – Шеф не сводил с него взгляда. – Сколько стоит?

– Десять тысяч. Долларов.

На лице Виталия Костырева, финансового директора, мелькнула усмешка, оставшаяся незамеченной. Он сидел, свободно откинувшись на спинку кресла. Пусть распекают Белявского. Если бы он, Костырев, был генеральным, первое, что он сделал бы – уволил этого деятеля-демагога, бодро вещающего, но не смыслящего ни черта в своем деле.

– Десять тысяч долларов за это? – Беспалов взял лист и легким движением пальцев откинул его. – А если нам не понравится? Скажем так – уже не понравилось.

– Будут работать дальше. Стоимость от этого не изменится.

– А если мы сделаем что-то сами?

Белявский заерзал в кресле.

– Официальный заказ пока не подписывали. Ребята отправили им по почте задачу – они взяли в работу. Сами понимаете, если откажемся и не заплатим, это будет неправильно.

– Дмитрий Олегович, давайте с вами договоримся – впредь без договора ничего не заказываем. Вот что неправильно. А теперь вернемся в начало. Почему «Color city», а не Андрей? Он недостаточно квалифицирован? Откуда ценник?

– Александр Александрович, вы же знаете: штатного дизайнера у нас нет. Андрей может сделать что-то простое, он специалист по рекламе, а не дизайнер. Поэтому нам нужно определиться: или мы берем спеца в штат и платим энную сумму в месяц, или по мере необходимости заказываем в агентстве. Поверьте – собственный выйдет дороже, при прочих равных. Что касается стоимости, то это рыночная цена, у меня есть расчет.

Белявский чувствовал себя все уверенней. Он не ерзал, плечи расправились, в низком дикторском голосе с мужественными реверберациями уменьшилось напряжение.

– А название серии? – шеф задал следующий вопрос. – Сколько с нас взяли за эти «Мясные радости»?

Белявский снова разнервничался и даже пошел пятнами:

– Александр Александрович, это комплексная услуга.

– Ясно. – Он выдержал длинную паузу. – «Мясные сказки»... «Мясные радости»... Притив. А как понимать это – «Сибирские деликатесы»? Мы только их будем делать? Обычные

варенные колбасы – нет? В общем, пусть товарищи из «Color city» – раз уж мы с ними связались – подумают и сделают что-то стоящее. Срок – три дня. Есть вопросы и предложения?

Белявский отрицательно помотал головой. Костырев сделал то же самое. Аркадий Ярославцев, директор по производству, открыл рот – «Нет». С шефом они согласны, чушь редкостная.

– Значит, вперед, к светлому будущему! Дмитрий Олегович, мне нужен расчет по дизайнеру. Прибросьте, пожалуйста, аутсорсинг, сравните со штатным.

– Сделаем. – Мощное тело Белявского съежилось в кожаном кресле.

– Виталий Игоревич, поможете коллегам с расчетами?

– No problem, – сказал Костырев.

Белявский глянул на него исподволь – что у него в глазах, нет ли усмешки?

Он ничего не увидел. Лицо Костырева было непроницаемо.

– Всем спасибо. – Шеф вышел из-за стола.

Следом за ним встали трое топ-менеджеров. Когда они вышли из кабинета, он нажал кнопку на телефоне:

– Олег Викторович, добрый день.

– Добрый, Александр Александрович! – из динамика раздался голос Олега Шлеина, начальника службы безопасности.

– Зайдите, пожалуйста.

– Да.

Через минуту вошел Шлеин: плотный, крепко сбитый, коренастый. Уверенная, немного вразвалку, походка, твердый взгляд. За плечами десять лет службы в органах госбезопасности. Майор запаса.

Поздоровавшись, мужчины сели.

– Олег Викторович, что скажете о «Color city»?

– Не нравятся они мне. По рынку ходят слухи, что контора откатная. Но пока нет доказательств.

– Вот их творчество, – Беспалов взял со стола картинки. – Знаете, сколько стоят? – Он подтолкнул их к Шлеину.

– Много.

– Десять тысяч долларов.

Шлеин присвистнул.

– Круто. Александр Александрович, я вас понял. Займемся. Для начала поищем у коммерсов эти картинки и посмотрим историю. Я еще кое с кем встречусь, кто в этом смыслит, узнаю про цену. Может, они сами их делают, а деньги распиливают?

– Это уж слишком.

– Все может быть. Сколько есть времени?

– Хватит недели?

– Да.

Шлеин взял картинки и вышел.

Беспалов взглянул на швейцарский хронометр с массой ненужных стрелочек и циферблатов. Без десяти час. Болит голова. Он примет таблетку после обеда, чтобы желудку было пролегче.

Проблему Белявского нужно решать. Он тянет всех вниз. Коммерческая служба работает из рук вон плохо. Продукцию доставляют с задержками, клиенты не соблюдают условия скидок, старт новой серии, скорей всего, откладывается. Дима лишь обещает: сделаем, разберемся, улучшим.

Встав из-за стола и почувствовав, как стукнуло в темечко, он поморщился.

«Магнитная буря?»

Он нажал кнопку на телефоне:

– Иван, едем на обед.

– Понял, Александр Александрович, – раздался из динамика голос водителя.

Он нажал следующую клавишу:

– Оксана, я на обеде.

– Приятного аппетита, Александр Александрович! – сказала Оксана, милая девушка и помощница.

– Спасибо.

Он вышел в предбанник, площадью два на два метра. Слева была дверь личной комнаты отдыха, с кожаным диваном и телевизором, справа – дверь личного туалета. Прямо – дверь к людям. С приемной предбанник не сообщается, это удобно. Своего рода черный вход для генерального, если он не хочет идти через приемную.

Он увидел себя в зеркале шкафа-купе. Кожа бледная. Взгляд без юного блеска. Общий вид нездоровый. Сказывается боль. Да и не молод. Тридцать один. Сколько осталось? Двадцать лет, тридцать, сорок? Час до инсульта? Что там, в будущем? Недели летят как дни. Месяцы – как недели. Годы – как месяцы. Чувствуя страшную скорость времени, ты не можешь двигаться медленней, не в твоей это власти.

Спустившись на первый этаж, он прошел мимо охранника, вытянувшегося по струнке, и вышел на улицу.

Как здесь ярко и жарко!

В первый миг он зажмурился.

«Начало июня, а градусов тридцать».

Асфальт продавливался под каблуками, солнце пекло спину.

Оглянувшись, он окинул взглядом пейзаж: слева – новое трехэтажное здание заводоуправления, справа – старое двухэтажное, тронутое временем; за бетонным забором, на заднем плане – главный производственный корпус из темно-красного кирпича. Корпусу сорок лет, его построили в шестьдесят пятом. Старому заводу управлению – столько же. В следующем году там сделают капремонт, подштопают, подлатают.

«Половина этого принадлежит мне. Половина каждого кирпича, каждой железки, каждого куска мяса», – подумал он.

Старая, но приятная мысль.

Открыв заднюю дверь черной «Audi A8», он почувствовал прохладу кондиционированного воздуха в знойном летнем мареве. Оазис в пустыне Сахара.

Автомобиль вырулил со стоянки, резво набрал скорость и помчал хозяина мимо бетонных заборов и пыльных зданий с грязными окнами. Окраина города. Здесь не живут люди. Здесь автобазы, ремонтные мастерские, склады и маленькие свечные заводи: молокоперерабатывающий, пивоваренный, цементный.

– Александр Александрович, куда едем? Домой? Или в «Охотник»?

Голос водителя вывел его из задумчивости.

– В «Охотник».

– Понял.

Он не хотел ехать домой. Вчера они с Аней поссорились, а сегодня молчали за завтраком, каменные, чужие. «Где провести три выходных, с десятого по двенадцатое июня?» – мнения разделились. Аня хотела к друзьям на дачу, на берег Бердского залива (пляж, шашлыки, пиво), а он – на Горный Алтай. Он мечтал сплавиться по Катуні. Пока они плавают, сын погостит у бабушки, будет ей радость.

Аня сморщила губки. «Что я забыла там?» – «Ты еще не сплавлялась». – «Нисколько не парюсь по этому поводу». – «Видимо, нет ничего лучше, чем лежать кверху попой на пляже». – «Лучше спать в грязной палатке и мокнуть на сплаве. Класс!» – «Необязательно

жить в палатке. Можем сплавляться по три часа в день и жить в домиках со всеми удобствами». – «И не присаживаться над дыркой?» – «Нет» (Здесь у него появилась надежда). – «Круто! Но я все равно не поеду. Я хочу к Лежневым». – «В таком случае я поеду один». – «Делай что хочешь».

Вот так, слово за слово, они и поцапались. Он чувствовал злость и досаду. Все точь-в-точь как в прошлом году, по тому же сценарию. В тот раз он купил путевку, собрался, а в ночь перед отъездом заболел сын. Когда темный ртутный столбик коснулся отметки «40», они вызвали скорую. На следующий день он сдал путевку за двадцать процентов от стоимости. Мечты так и остались мечтами.

«В этот раз я поеду», – решил он.

«Может, взять Свету?»

Сладкая мысль. Однако взвесив все за и против, он решил, что это слишком рискованно. Можно наткнуться на родственников, знакомых или коллег по работе. Среди сотрудников комбината есть любители тамошних мест. Представив, как они плывут в одном рафте с начальником отдела продаж (тот каждое лето сплавляется по Катуні), он сказал своей безумной идее решительное и, пожалуй, финальное «нет».

В кармане затренькал сотовый.

«Аня» – увидел он на дисплее и удивился.

– Да.

– Саша, ты приедешь обедать?

Ее голос был самым обычным, правда усталым. Словно ничего не случилось и не играли они в молчанку за завтраком.

– Есть куриное филе с овощами, – продолжила Аня.

– Я еду.

– Ладно.

Автомобиль въехал в центр города. Дома, деревья, столбы, вывески, люди, – все плавило на солнцепеке. Вот что значит резко континентальный климат. Летом плюс тридцать, зимой минус сорок.

Он смотрел на душный пыльный город и думал о том, как было бы здорово плыть сейчас на рафте по быстрой Катуні, по ее бурным молочным водам, по перекатам. Вместо этого он едет по каменным джунглям, спрятавшись за темными стеклами. Он знает, что после звонка Ани все изменилось. Он больше не чувствует злость, нет топлива в двигателе внутреннего сгорания, нет прежней жажды сделать по-своему. Скучные Лежневы ждут. Ждут скучные сплетни под пиво.

Глава 2

Приближался восьмой день рождения компании «Мясная империя». В июле девяносто девятого ее учредили вчерашние студенты Нархоза Саша Беспалов, Витя Моисеев и Дима Прянишников.

Идея принадлежала Саше. Она пришла ему в голову в октябре девяносто восьмого, когда он обедал с Димой в столовой молочного комбината. Будущие партнеры четвертый месяц тянули лямку в совдеповском планово-экономическом отделе, среди толстых тетей и серых дядей, и пребывали в поиске новой, более достойной работы. Об этом шла речь в тот памятный день.

Слово за слово, и Прянишников рассказал Саше о том, как до института подрабатывал на Коченевском свинокомплексе, где тысячи хрюшек требовали внимания и ухода. Он помогал там матери. Папы у него не было. Папа умер от рака. Дима признался, что его зовут обратно на родину, экономистом, с зарплатой выше, чем здесь, но он не хочет. В городе его будущее, там – прошлое.

Саша слушал Диму, и вдруг —

Пришла МЫСЛЬ. Та самая.

«Можно брать мясо там и продавать здесь».

Как оказалось, Дима тоже думал об этом, но не так чтобы очень серьезно. Слишком много НО. Во-первых – где продавать? На рынок просто так не зайдешь, все кругом схвачено. Во-вторых – что с «крышей»? Не хочется иметь дело с бандитами, а связей в милиции нет. Да и торговля как таковая Диму не привлекала. Мелко и примитивно. То ли дело финансовый менеджмент, коим он грезил, сидя за древним крупнозернистым монитором.

Тем временем мысль Саши шла дальше. Складывалась мозаика. У него был ответ на первый вопрос – «Где продавать?» Муж его двоюродной тетки, Стариков, был завхозом Центрального рынка. Не то чтобы Саша был в близких отношениях со Стариковыми, но хватит и того, что есть. Два раза он был у них в гостях, а его родители изредка передавали ему через них то деньги, то что-нибудь съестное по мелочи – когда те навевались в Новокузнецк к своим многочисленным родственникам.

Два слагаемых будущего успеха были найдены. Два человека, Дима и Саша.

Третьим стал Витя.

Дима встретил его случайно на улице. Витя сказал, что работал в инвестиционной компании, потом грянул кризис, индексы рухнули, всех попросили на выход, и сейчас он в творческом поиске. Он не хочет батрачить на дядю, а хочет быть частным предпринимателем.

Слова Прянишникова о проекте с кодовым названием «Мясо» упали на благодатную почву. Глаза Моисеева вспыхнули.

– «Крыша» будет, – коротко сказал он. – У меня же батя в УБЭПе.

Так Витя стал третьим. Саша был не в восторге – Витя ему никогда не нравился – но ради общего дела справился с чувствами.

И – закрутилось.

В то время как их бывшие однокурсники трудились экономистами, финансистами, бухгалтерами и менеджерами, трое будущих совладельцев ООО «Мясная империя» (первые два месяца они работали нелегально, без регистрации юридического лица) закупали мясо в области, в то числе на родине Димы, и продавали на рынке. Наняли продавцов. Со временем они расширили ассортимент, включив в него колбасы и прочие мясопродукты, а когда рынок стал тесен – вышли в город. Дело спорилось. Несколько раз подкатывали бандиты, но услышав аббревиатуру «УБЭП», сваливали. Бизнес рос, креп, и уже через год в городе появился первый магазин «Мясная империя», а еще через два их было четыре. Парни уже не ездили сами

за мясом, а управляли другими. Успех их окрылил. Не было ничего невозможного – если очень захочешь, весь мир будет у твоих ног. Они сообща принимали решения, с правом вето у каждого. Они притерлись друг к другу. Дружбы не было, драк – тоже. Случались жаркие споры, но это было нормально, и даже полезно для дела. В споре рождается истина.

Дима погиб четырнадцатого ноября две тысячи первого.

Не справившись с управлением на скользкой дороге, он вылетел на встречную полосу и лоб в лоб столкнулся с КАМАЗом. Ему было двадцать пять.

Саша и Витя остались вдвоем, а доля Прянишникова перешла по наследству к его вдове, Ире. Ей предложили продать долю за хорошую цену, но она, будучи девушкой практичной и дальновидной, отказалась. Договорились, что ей будут ежемесячно выплачивать «дивиденды». Вопрос о том, чтобы сжульничать и вывести Иру из бизнеса, не обсуждался, но Саша видел, что Витю не радуют эти выплаты. Чаша терпения переполнилась, когда Ира нашла себе хахалю (по роду занятий – охранник в ЧОПе) и стала весело проводить с ним время. Науськанная им, она потребовала больше денег и должность в компании. Ей ответили не очень деликатным отказом. Моисеев, взявший на себя эту роль, посоветовал ей сбавить обороты, иначе, при всем уважении к Диме и к ней, им придется расстаться. С тех пор она приходила к ним с каменным выражением лица. Когда в апреле две тысячи пятого Беспалов и Моисеев купили контрольный пакет акций ОАО «Новосибирский мясоперерабатывающий комбинат» и начали его переименование в ОАО «Мясная империя», Иру в долю не взяли. На этом настаивал Витя, а Саша не стал с ним спорить. Это другая история. Акции куплены на личные и на кредитные средства. Что касается ООО «Мясная империя», то Ире по-прежнему причиталась доля в доходах, но уже было принято решение о ликвидации этого ООО. Ире предложат единовременную компенсацию, а торговлю перебросят на индивидуальных частных предпринимателей – ИЧП Моисеев и ИЧП Беспалов, что выгодней по налогам.

В июне две тысячи пятого Иру пригласили на разговор. Беседовал с ней Витя. Саша уехал по делам, а вернувшись, застал Витю в прекрасном расположении духа. Тот пил коньяк, закусывая шоколадом, и улыбался. Он сказал, что Ира согласилась на отступные и что она не в претензии. Он дал ей понять, что если она будет упрямиться, то вообще ничего не получит, и она стала сговорчивей. Витя обладал даром убеждения, следовало это признать.

Ира получила триста тысяч американских долларов в черном полиэтиленовом пакете. После всех необходимых формальностей ООО «Мясная империя» ликвидировали. Шесть лет прошло с тех пор, как впервые прозвучало это название – «Мясная империя», а теперь брэнд де-юре принадлежал комбинату.

Первое, что сделали Беспалов и Моисеев – сменили верхушку на комбинате. Из старой команды оставили только финансового директора (Виталия Костырева) и главного технолога. Костырев был новеньким (проработал три месяца), не из местной шайки-лейки, и ему дали шанс. Сафронову, главного технолога, оставили в качестве вынужденной меры – не смогли быстро найти замену.

Всех прочих выпроводили. Мясоперерабатывающий комбинат был кормушкой. Здесь действовала круговая порука и все были довольны, имея довесок к зарплате. В черной дыре, в которую превратилось некогда процветающее предприятие, бесследно исчезали мясо и деньги. Прибыль падала, оборудование требовало модернизации, качество продукции оставляло желать лучшего, а воровство процветало, в том числе среди высшего руководства. Рабочие тащили колбасы, мясо, тушенку, гнали левак, и нередко ниточки тянулись на самый верх. Коммерческий директор, главный бухгалтер и начальник службы безопасности были в доле. Службист, кстати, прославился тем, что однажды запер проштрафившегося работника в холодильной камере и продержал его там пару часов, пока тот не сдал подельников по несанкционированному воровству. Такая была публика, такая культура.

Генеральный директор, он же главный собственник, вяло с этим боролся. В конце концов он принял решение продать акции. Он устал. Ему хотелось выйти на пенсию и жить в свое удовольствие. За четверть века он прошел путь от мастера-технолога до гендиректора, а на заре девяностых, купив акции у работников (семьдесят процентов), стал главным владельцем. Двадцать пять процентов были у области (ходили слухи, что скоро их продадут), а пять – на руках у работников, не продавших их в смутные девяностые.

Беспалова избрали генеральным директором, коммерческого нашли на конкурсной основе, а начальника службы безопасности и главного бухгалтера перевели из ООО «Мясная империя». Олег Шлеин работал там с две тысячи третьего, а Светлана Томилина – почти со дня основания. Коммерческий директор «Мясной империи» не повторил путь Шлейна и Томилиной. Незадолго до этого он поссорился с Моисеевым и написал в сердцах заявление. Это был ценный кадр, но принципы были дороже. Виктор не признался бы никогда, что сожалеет об этой потере. Кажется, он никогда ни о чем не жалел.

Виктор стал председателем Совета директоров. Он не занял постов в исполнительном руководстве, но было бы наивным считать, что он не участвовал в текущей жизни компании. Он взял на себя роль «главного коммерческого директора». Именно он де-факто решал основные коммерческие вопросы. Через него, как через индивидуального предпринимателя, проходила значительная часть готовой продукции, и без согласования с ним не совершалось ни одно существенное телодвижение в коммерческой службе, особенно поначалу. Дмитрию Белявскому вменили в обязанности текущее управление. Однако чем дальше, тем больше Виктор отпускал вожжи. Он не горел желанием много трудиться и то и дело отмахивался от Белявского, как от назойливой мухи. Таким образом, мало-помалу, тот становился самостоятельной единицей. Случалось, Виктора по нескольку дней не видели на комбинате, и никто, кроме его партнера по бизнесу, не знал, где он. Как правило, он был за границей, с очередной юной пассией. Беспалов не жаловал эти загулы, но и не делал из них трагедии. Это личное дело Вити. Хочется – ради Бога. Справимся без него.

Прошло два года, с тех пор как они стали собственниками комбината.

Предприятие встало на ноги, обновилось. Объемы шли вверх. Если в бытность прежнего руководства мощности были загружены менее чем на треть, то спустя год загрузка составила шестьдесят процентов, а еще через год – восемьдесят. Почти не осталось старого оборудования. Даже холодильные камеры, эти покрытые изморозью темные лабиринты с тушами мертвых животных, и те подновили – впервые с даты постройки. Пожалуй, единственное, что не изменилось – обвалка-жиловка мяса. Бравые молодцы в окровавленных фартуках, вооруженные ножами и тесаками, рубили и резали мясо без помощи умных машин – как делали их деды, прадеды и прапрадеды.

С ворьем тоже справились.

Первая же внезапная инвентаризация сделала явной тайную жизнь комбината. Как и предполагалось, отклонения были гигантские. Комбинат – кладезь талантов. Что здесь только не делают: занижают упитанность скота при приемке, завышают потери при замораживании и размораживании, не докладывают, пересаливают и прочее, прочее, прочее. Создают излишки мяса для вывоза, выноса и выпуска неучтенки. Холодильник – главное место. Инвентаризация в нем – дело не одного месяца.

Беспалов вызвал к себе главного технолога и провел с ней обстоятельную полуторачасовую беседу. Она получила первое предупреждение, а он взялся за наведение порядка на комбинате.

Изменения не всем пришлись по вкусу. Столько лет жили спокойно, и тут на тебе: отчетность, ревизии, контроль, шмон на выезде и на выходе. Лишь после того как главный технолог получила свое второе, последнее, предупреждение, в цехах прекратили открыто бузить, вставлять палки в колеса и отпирать ходовики к начальству.

Кое-кто, впрочем, не понял, что жить по-старому не получится. Через пять месяцев после первой инвентаризации в консервном цехе нашли излишек тушенки. Тридцать коробок. Они были спрятаны в дальнем углу цеха – под тарой.

Долго разгребали завалы, вскрыли коробки, и вот вам пожалуйста.

Начальница цеха попробовала изобразить удивление, в меру своих скудных актерских способностей. В следующую секунду она как фурия набросилась на багровых, потупивших взгляды работниц и стала отчитывать их, срываясь на крик.

Беспалов вызвал ее и главного технолога и попросил их написать заявления.

Первой пришла начальница консервного цеха.

Это была сухая женщина сорока пяти лет с жидкими русыми волосами и некрасивым бледным лицом. Матовые глаза, скошенный подбородок, тонкие блеклые губы, плотно сжатые даже в улыбке, – что-то было врожденное, что-то – приобретенное. Она пришла в гражданском: в бежевой блузке с длинными рукавами и в черной юбке до пят. Волосы расслаивались на сальные пряди. Всегда, когда он видел ее, он думал о том, что женщина не должна так выглядеть. Это не женщина. Нечто бесполое.

Разговор с ней дался ему нелегко.

У нее дрожал от волнения голос. Она села в кресло и стала рассматривать его галстук. Когда после небольшого вступления он предложил ей уволиться, она в один миг изменилась: взгляд метнулся к его глазам, на коже выступили красно-коричневые пятна, бесцветные губы раздвинулись на миллиметр.

«... Сразу?..»

«Всех предупреждали. Вы не поняли».

«Я поняла, – сказала она дрожащим голосом, с едва заметным нажимом на первом слове. – Но я не могу стоять у каждого за спиной. И так постоянно воюю. Слежу за технологией, вскрываю банки, смотрю».

Она оправдывалась, но он ей не верил. Ему доложили о ее поведении во время инвентаризации, и у него не оставалось сомнений в том, что это ее рук дело. Если бы не небыхица со старыми этикетками, была бы возможность поверить, микроскопическая, но теперь поздно.

Он смотрел ей в глаза.

В ее испуганные глаза.

И вдруг понял, даже с некоторым удивлением, что уже не хочет расправы над этой женщиной. Надо было Вите этим заняться. Витя рвется рубить головы, но хочет сделать это чужими руками. Формально он прав. Есть генеральный директор. Председатель Совета директоров не увольняет людей, он не для этого.

Он смотрел на Анну Проклову, а она, сидя неестественно прямо, смотрела то на него, то на стену за его креслом.

Они молчали. Каждая секунда имела вес и объем. Он чувствовал, как время заполняет пространство. Ряд за рядом. Камень за камнем.

Наконец Проклова заговорила. Она стала рассказывать.

«Александр Александрович, понимаете, здесь отвыкли работать иначе. Это система. Здесь все воруют. Сейчас меньше, но все равно. Главная – Дашка Кузнецова из холодильника. У нее мясо. Излишки она выдает для левой продукции, и с ней потом делятся. Вы инвентаризируете холодильник уже несколько месяцев, а она все равно вас обманет, увидите. Дашка хитрая».

При упоминании о холодильнике Беспалов поморщился. Инвентаризация в нем шла пятый месяц (против запланированных полутора), продвигалась со скрипом, и конца и краю ей не было видно: то грузчиков нет, то весы вдруг ломаются, то члены комиссии по очереди заболевают. Не помогают ни валенки, ни фуфайки, ни кофе с коньяком.

«Вы, главное, не останавливайтесь, – продолжила Проклова. – Все правильно делаете».

«А с вами что делать? Предположим, мы не уволим вас и завтра повысим зарплату. Что-то изменится?»

Красные пятна на щеках Прокловой стали бордовыми. Губы дрогнули.

«Я обещаю. Я тут пятнадцать лет, все как родное. Девчонкой здесь бегала, тогда объемы были другие, жизнь была ключом... Александр Александрович, я... – Она подняла на него взгляд. – Но пока здесь Сафронова и Кузнецова, вам будет трудно».

Сафронова – главный технолог. Разговор с ней будет коротким. Не доверяя ей и сделав ей два предупреждения, он полгода искал себе заместителя по производству, и наконец нужного человека нашли – главного технолога с Красноярского мясокомбината. Аркадий Ярославцев должен был выйти через три дня. На него возлагались большие надежды. Здесь всю систему нужно менять, прогнившую сверху донизу.

Кузнецова, она же Дашка, дородная громкоголосая баба, имела обыкновение крыть матом всех, вплоть до начальников цехов, но в присутствии высшего руководства была паинькой: заискивала, сахарно улыбаясь, и звала на экскурсию в холодильник, в свою вотчину, в святая святых. Замороженные туши и полутуши: говяжьи, свиные, олени, конские; опечатанные камеры, где хранилось мясо, перевешанное в ходе инвентаризации, – здесь, в царстве холода, среди сотен тонн сырья, некогда мирно жевавшего травку, а теперь мертвого, заиндевело, застывшего в ожидании своего часа, чтобы стать колбасами и консервами, – здесь появлялось особенно острое осознание того, насколько масштабными могут быть махинации. Никто, кроме Дашки, не знает, сколько здесь мяса. Правда скрыта в двух мутных лужицах на красной физиономии, где годы нечистоплотности оставили свой несмываемый след.

Проклова много чего рассказала. Когда в ее повествовании возникла долгая пауза (кажется, она вспоминала, кого еще не сдала), он, не дожидаясь сиквела саги о местной мафии и чувствуя, что и без того порядком вывалялся в грязи, вернулся к тому, с чего начал. Он объяснил ей, что делает ей *последнее* предупреждение. Если что – до свидания.

«Передайте всем, что времена изменились. Мы повышаем зарплату, но и спрос будет другой. Ясно?»

«Да».

Чувствовалось – еще немного, и Проклова разрыдается.

«Удачи. Мы должны выпускать *лучшую* продукцию в городе – и мы будем ее выпускать. Если кто-то не хочет, тому с нами не по пути».

Обессилено улыбнувшись, Проклова встала.

«До свидания», – сказала она и вышла.

Через минуту вошла главный технолог, Вера Сафронова.

Он сразу понял, что она настроена по-боевому и сдаваться не собирается.

Прикрыв за собой дверь, она поздоровалась, быстро и энергично прошла по паркету и села в кресло.

Скрипнула черная кожа.

Глядя на нее, он подумал о том, что в данном случае рука у него не дрогнет. Шансов остаться у нее нет, в особенности после того, что поведала о ней Проклова. Ее увольнение – дело решенное.

Он сказал это, как только она села.

Он всматривался в нее, следя за реакцией, но ее лицо было скрыто под маской. Слегка побледнела, и все. Из прежнего опыта общения с ней он знал, что она умеет владеть собой. Ее непроницаемое лицо живет отдельно от ее сущности, и лишь матовые глаза выдают ее. Как и в глазах Кузнецовой, в них ничего не увидишь, но сами они скажут о многом. Они не оживляют лицо, а старят. Она густо красит губы с опущенными вниз углами, густо румянит дряблую кожу, наращивает длинные ногти, на каждом пальце носит по золотому кольцу, в ушах – крупные серьги с рубинами, – что там, за яркой вульгарной оберткой?

«Основания?» – спросила она после паузы.

«Их более чем достаточно».

«Можно конкретней?»

«Вы не соответствуете занимаемой должности».

«Александр Александрович, я, наверное, что-то не понимаю. – Она не сводила с него глаз. – Я выполняю свои должностные обязанности. Почему не соответствую? Из-за консервов? Спросите у Прокловой. Я не могу стоять у нее за спиной и пересчитывать банки».

«Она то же самое говорила».

«Видите. – Она оживилась. – Как за всем уследить? Кто-то стащит кусок мяса или воды в банку нальет – отвечать за все мне? Разовые случаи были и будут»

«Вы считаете, что с качеством все в порядке?»

«Да».

«Я на днях взял пельмени. Не *специальные*, для дегустации, а просто так, в магазине. Зашел и купил. Сварил их на ужин. Жена съела два, а я – пять. Остальные мы выкинули, вы уж простите. У конкурентов пельмени лучше. И колбаса. Поэтому они продают их больше за ту же цену. Разве они делают начинку из чистого мяса? Нет. В чем их секрет? Раньше мы не брали продукцию этого комбината или брали по минимуму. Она не пользовалась спросом, люди не покупали. – Он сделал паузу. – В общем, у вас есть выбор – как нас покинуть».

«Я справляюсь со своими обязанностями. И качество соответствует ТУ, нас много раз проверяли».

Она отчеканила это как робот – словно заранее выучила текст и выдала его слово в слово.

Он усмехнулся.

«Вот заливает, – думал он с восхищением. – Уверенно так, с нахрапом. Впору даже поверить в то, что очерняю кристальной честности человека».

«Вера Борисовна, мы с вами взрослые люди. Мы оба знаем правду. Вы здесь *двадцать* лет, и до недавнего времени здесь ничего не менялось, в лучшую сторону. Я не буду тратить время и рассказывать вам в деталях о том, чем вы тут занимаетесь. Давайте просто осознаем тот факт, что скоро вы нас покинете. *По собственному желанию* или нет – зависит от вас. Если вопросов больше нет, можете быть свободны».

Она нервно встала.

На ее ярко накрашенном лице блуждала искусственная усмешка, а взгляд уперся в пространство. Самообладание ей изменило.

Развернувшись, она молча и резко вышла.

Ее уволили по статье. Она восстановилась через суд, получила зарплату, компенсацию морального ущерба в размере пяти тысяч рублей, а потом написала заявление об увольнении по собственному желанию.

Беспалов отнесся к этому философски, а Моисеев – болезненно, как к личному оскорблению.

«Сука! – сказал он. – Надо было фарш из нее сделать. Теперь все поймут, что просто так не уволишь, и страх потеряют. А нам, Саша, нужно гнид вычищать. Эту жирную из холодильника – первую. После инвентаризации пнем ей под зад».

«Есть ощущение, что ничем эта затея не кончится».

«Думаешь?»

«Обдурят нас, Витя. Как маленьких деток».

Он оказался прав.

Когда осталось перевешать всего ничего, Дашка вдруг заболела и две недели не появлялась на комбинате. Так как ее помощница принимала и отпускала мясо без договора о материальной ответственности (как позже выяснилось), Дашка вышла сухой из воды.

Когда взвесили последнюю полутушу, числившуюся за ней, и подбили итог (недостача семь тонн и страшная пересортица), ей предложили уволиться.

Она ушла по-тихому, без скандала. Нищая старость ей не грозила.

С тех пор прошло полтора года. Внешне мало что изменилось: все тот же производственный корпус из темного кирпича, загон для скота, котельная, приземистый склад с пыльными зарешеченными окнами, – но сущность была другой. Рыночной. Эффективной.

Александр Беспалов по праву этим гордился.

Глава 3

– Привет.

– Привет. – Аня встретила его фирменной мягкой улыбкой.

Он коснулся губами ее щеки. Кожа пахнет кремом. Баночками и тюбиками заставлено полквартиры, и Аня все время что-то в себя втирает. Чем дальше, тем больше. Немудрено: по профессии она косметолог.

Аня Беспалова (в девичестве – Перекрестная) была хороша собой. Осознавая силу своей красоты, она понимала, что, к сожалению, в семейной жизни это не то оружие, на силу которого можно рассчитывать. Обесцвеченные прямые волосы до плеч (натуральный цвет – русый), гладкая кожа, серые глаза, маленькие ямочки на щеках, продавливаемые улыбкой, – все было при ней, и не было лишь одного – яркой горячей искры. За ее внешностью скрывалась натура вялая и посредственная. По большей части на ее лице можно было видеть спокойное апатичное выражение, и это тихо его бесило. «Я живу с куклой, – думал он. – С белой фарфоровой куклой».

Они познакомились четыре года назад, а через два месяца после той первой встречи – когда он планировал по-джентльменски расстаться с девушкой, в которой не было ничего, кроме модельной внешности – она сказала ему, что беременна. Она хотела сделать аборт, а он сказал – «нет». Он не стал убийцей ребенка.

Через месяц, в октябре двухтысячного, они поженились, а еще через полгода у них родился сын. Его назвали в честь деда по материнской линии – Лешей. Александр стал отцом, это было удивительное, новое для него чувство, откровение, чудо, но он знал, что их брак не вечен. Это искусственная конструкция во имя детства их мальчика.

Аня сидела с Лешей, а помогала ей по хозяйству Евгения Степановна, добрая шестидесятилетняя женщина. Они взяли ее по рекомендации подруги Ани, гражданский муж которой погиб в ДТП. Родственники покойного в ультимативной форме потребовали от нее «съехать с коттеджа», и вдова вернулась в хрущевку. Без домработницы. Без средств к существованию. Продав шубу, она стала искать работу.

Что бы они делали без Евгении Степановны? Она убирала в квартире, готовила, стирала, гладила, нянчилась с Лешей. В квартире всегда было чисто, а еда была вкусной, в отличие от тех редких случаев, когда стряпала Аня. Женщина, которую он не любил.

Даже то, что он чувствовал раньше, в самом начале, он не назвал бы любовью. Влюбленностью, похотью, страстью – да. Не любовью. Если бы он знал тогда, что все зайдет так далеко, он не вел бы себя так глупо. Теперь у них есть ребенок, они два раза в неделю занимаются сексом, для внешнего мира все чинно, пристойно – чем не среднестатистическая семья, где есть видимость и нет искренности?

По Ане сложно было сказать, что она чувствует. Сквозь ее меланхоличную оболочку трудно было что-то увидеть. Преимущественно она была спокойна, жить не могла без шопинга, фитнеса, солярия и массажа, а поскольку муж все это оплачивал, пусть и без энтузиазма, с этой точки зрения жаловаться ей было не на что. Возможно, она погуливала на стороне, с каким-нибудь жеребцом-массажистом, но ему было почти все равно. Скоро он поставит точку в их отношениях. Поэтому он не бежит к частному детективу и не допрашивает Аню с пристрастием. Он живет с привкусом подозрений, день за днем откладывая разговор. Он любит Свету и при каждой встрече с ней чувствует ее невысказанный вслух вопрос, на который должен будет рано или поздно ответить.

Если бы не Леша, он давно бы ушел к Свете. Как бросить сына? Это будет предательством. Леша не виноват в том, что родился в семье, где папа не любит маму. Он не виноват в том, что папа, не имея серьезных планов на будущее и не позаботившись о средствах предо-

хранения, взгромоздился на маму, а охладел к ней еще до того, как раздались первые ноты марша Мендельсона и толстая тетя, объявив их мужем и женой, пожелала им счастья до гроба. Леша как бы случайный ребенок, и от этого только сильнее гложет чувство вины. Что выбрать? Жить в фальши или жить в правде? Как выбрать? Как выдержать мысль о том, что папа будет редко видаться с сыном, а сын – с папой? Как объяснить мальчику, что папа уходит?

Три раза пискнула микроволновка.

– Как дела? – дежурно спросил он. – Леша гуляет с няней?

– В бассейне. – Аня накрыла на стол. – Тренер его хвалит, говорит, он скоро научится плавать. Мама, кстати, звонила, звала завтра в гости.

Сказав это как бы промежду прочим, она бросила взгляд на мужа. Она знала, что он не любит ходить в гости к теще – как и саму тещу.

– Борщ с пивом будет? – спросил он.

Аня поморщилась.

Она знала, что он это спросит.

Год назад они ужинали у матери и отчима Ани, и им был предложен странный, мягко сказать, набор блюд: жирный горячий борщ и пиво. В первое мгновение зять растерялся, но скрыв эмоции, стал пить пиво, не притрагиваясь к борщу. Посматривая на него искоса, теща долго крепилась, ерзала на стуле и наконец спросила, почему он не ест борщ. Он ответил ей вежливо, что съест борщ после пива. У нее отлегло от сердца.

С тех пор борщ с пивом стал притчей во языцех.

Зять, не испытывавший к теще теплых сыновних чувств, отчима Ани вообще на дух не переносил. Ему стоило немалых усилий поддерживать разговор с этим представителем чуждого ему мира, внешне чем-то похожим на Шарикова, с его назойливыми историями о машинах, авариях и бог знает о чем. После двух рюмок водки тот становился жутко болтлив (до следующей стадии опьянения), и это было ужасно.

Он удивлялся союзу тещи и этого Снегирева.

Надежда Олеговна звезд с неба не хватала, но была неглупа и даже в чем-то интеллигентна. В молодости она была недурна собой, и ее лицо все еще хранило следы той красоты, несмотря на два подбородка и оплывший овал лица. Деревенское воспитание и бреши в образовании порой давали о себе знать, но в этом не было ее вины. Она заведовала детсадом и в скором времени собиралась выйти на пенсию, чтобы в полной мере предаться трем своим увлечениям: даче, вышивке и вязанию.

Снегирев с юных лет работал водителем. Он него пахло дизелем и перегаром. Досуг он проводил на диване, с газетой «Советский спорт». Книги он не любил. Он любил бокс и хоккей по телеку. Они жили вместе шесть лет, а встретились на вечере «Кому за сорок», куда мать Ани однажды зашла в компании двух коллег-воспитательниц из детского сада. От безысходности. Да и выпили, помнится, крепко.

Аня не знала, радоваться ли за мать. Ее отношение к Снегиреву не изменилось в лучшую сторону со времени первой встречи. Сравнивая его с отцом – умным, красивым, уверенным в себе (он был владельцем фирмы по производству пластиковых окон) – она морщилась, причем заметно для окружающих. Ей было стыдно за отчима. От него плохо пахло, он говорил на другом языке, он был пролетарием. Она видела, как на него реагируют. В то же время она желала матери счастья. Она помнила, как нелегко ей было одной, и не попрекала ее за выбор по принципу «на безрыбье и рак рыба». Она не верила в любовь между мамой и отчимом. Это был союз двух людей в возрасте, уставших от пустоты в доме и от ужинов в одиночестве. Очень может быть, что Снегирев ни от чего не устал, но хотел жить в комфорте, а не в хлеву бобыля. Бог им судья. Аня знала, что где-то глубоко в душе – куда страшно заглядывать – мать любит отца, а не этого типа. Она живет с неосуществимой надеждой на то, что однажды у них снова получится быть вместе.

Александр ел курицу, прикидывая в уме возможные отговорки.

Он обратил внимание, что Аня надела свой самый красивый халат, шелковый, тонкий, полупрозрачный, и ластится к нему взглядом. Она хочет секса, он это знает. После ссоры секс всегда жарче. Но у него другие планы на вечер. Он едет к Свете. С ней он встретился год назад – когда судились с налоговой. Света работала юрисконсультom в фирме, к которой обратились за помощью, и после двух совместных походов в суд стало ясно, что они созданы друг для друга.

Света была разведена. Последние месяцы ее брака стали адом. Ее муж спускал деньги в игровых автоматах, брал в долг у друзей и знакомых, клятвенно обещая, что скоро вернет, но никому не отдал ни копейки. Света предлагала ему закодироваться, но он отказывался и говорил, что справится сам. Наверное, он действительно так думал, но не мог и дня прожить без одноруких бандитов. Полумрак игровых залов, мельтешение цветных картинок, цифр, огоньков, звон выигрышей (проигрыши случались чаще) – он жил там, в сумраке, а не в реальности. Однажды Света не выдержала. Она подала на развод. Она была на грани нервного срыва. Она не могла жить с человеком со взглядом лунатика. Друзья и знакомые требовали с них деньги, которых не было. От них отворачивались. Им угрожали. Муж начал пить. Он пил и играл, играл и пил. Кто обвинит ее в том, что она с ним рассталась? Кто, кроме нее? Кому-то это покажется странным, но она испытывала чувство вины. Она бросала больного. Сделала ли она все возможное, чтобы спасти его?

Через полгода после развода она встретила с Александром. Он приходил к ней два-три раза в неделю, и они любили друг друга. Он отдыхал здесь от назойливого внешнего мира – с делами, которые никогда не заканчиваются, и напряжением, от которого мозг сводит судорогой. Здесь он погружался в любовь, нежность, желание. Он становился самим собой.

Света была полной противоположностью Ане. Активная по натуре, она находила удовольствие в действии, в движении, в том, чтобы что-то менять, на кого-то влиять. Ее взгляд был полон жизни. Обычно взгляд тускнеет с годами и однажды вообще гаснет, утратив всякий интерес к миру, всякую волю, но с ней этого не случится. Она всегда будет улыбочивой и активной. Встреча с Беспаловым стала новой страницей ее книги, где она была автором и героиней, движущимися рука об руку к хэппи-энду.

Он был старше ее на три года, уверен в себе, умен, не безобразен. Встретив его, она подумала о том, что хотела бы иметь ребенка от этого брjunета, взгляд которого, обращенный на собеседника, видел, кажется, всю его суть. В нем столько силы. Невольно она представила, как занимается с ним сексом, и почувствовала возбуждение. Волна прошла под строгим черным костюмом, от шеи до пальцев ног. Щеки порозовели.

После второго судебного заседания он пригласил ее на ужин. Она не знала, что он женат, но если бы знала – что изменилось бы? Она не привыкла отказываться от предлагаемых жизнью возможностей. Она устала от одиночества. В конце концов она хотела мужчину. Говоря «да», она чувствовала, что ее ждут награда и испытание – именно в этой последовательности.

После ужина они поехали к ней и занялись сексом. Они едва не растерзали друг друга. Это была дикая, громкая, животная страсть. Диван Светы еще не испытывал столь жестоких нагрузок. Выдержал. Отныне ему приходилось несладко, и он всякий раз недовольно скрипел, когда два сильных тела сплетались на нем в порыве запретной страсти.

Лишь однажды они поговорили о будущем, через два месяца после знакомства.

Они выпили на двоих две бутылки вина, он остался с ней, сказав Ане, что едет в командировку, и когда они нежились после секса в теплом свете настенных бра, она спросила, как он видит все... дальше. Помолчав с минуту, он ответил, что скажет, когда будет готов. Он не лгал. Ему требовалось время. Он не знал, сколько. В конце концов он дал себе полгода на то, чтобы расставить все точки над i. С тех прошло десять месяцев, а воз был и ныне там. Света больше не спрашивала, но он знал – она ждет.

Он часто вспоминал их первую встречу.

Был солнечный майский день.

Она стояла спиной к окну, в фойе областного суда, и ждала его. Солнце светило ему в глаза, и он не видел ее лица. Он видел лишь силуэт: стройную фигуру, длинные волосы – и вдруг ему показалось...

...не может быть...

Наваждение...

Он подошел ближе.

Это не Вика.

Это Света. Женщина, в которую он влюблен.

Он не решился пригласить ее на свидание, за что долго себя корил. Когда они встретились через месяц, у него не было выбора. Он дал себе слово. «Как вы смотрите на то, чтобы поужинать вместе?» – спросил он, когда они вышли на улицу. Это прозвучало так просто, что он сам себе удивился. «Положительно», – сказала она с улыбкой.

Обрадовавшись, он стал думать над тем, что скажет Ане.

Пообедав, он сел на диван в зале (светлая кожа, Италия) и взял газету с журнального столика (тоже Италия). У него есть десять минут. Потом он встанет и выйдет на жаркую улицу, к автомобилю. Он главный босс, он мог бы остаться дома и никто слова бы ему не сказал, но он так не сделает. Он не Витя, у которого в порядке вещей не прийти на работу, когда его ждут.

Затретькал мобильный.

«Моисеев» – высветилось на дисплее.

Витя будто почувствовал.

– Да.

– Привет. Удобно? – голос Вити, пролетев три тысячи километров за сотую долю секунды (он в столице на выставке), прозвучал так чисто, словно он сидел рядом.

– Привет. Да.

– Как ты смотришь на диверсификацию бизнеса?

– Конкретней? – Он откинулся на спинку дивана.

– Возьмемся за замороженные хлебобулочные изделия?

– Да или нет? – спросил Моисеев после секундной паузы. – Вопрос жизни и смерти.

– Прямо так?

– Да.

Непроизвольно, за долю секунды, возник эскиз бизнес-плана – первые наброски, быстрыми крупными мазками: конкуренция, доходы, расходы, оборудование, сбыт, окупаемость. Деньги вкладывают с одной целью – чтобы их стало больше.

– На мой взгляд, стоит над этим подумать, – сказал между тем Виктор. – В городе есть только один крупный производитель – «Восход-Бейкер». Плюс привозная продукция и мелкие местные лавки. Я здесь на выставке общался с народом – дело может быть выгодным. Но и вложиться нужно. Приеду – обсудим. Как там в нашем болотце? В норме?

– Нужно что-то делать с коммерческой службой.

– Поддерживаю. У меня к Белявскому тоже много вопросов.

– Ты бы видел, что он сегодня принес, за десять штук баксов.

– «Color city»?

– Да. Деньги, в принципе, не критичные, но, как говорится, за державу обидно. Не хочется чувствовать себя идиотом. Я попросил Олега проверить, а Белявский сделает нам расчет, что выгодней: взять собственного дизайнера или пользоваться услугами со стороны.

– С меня ящик шампанского, если он скажет, что собственный выгодней.

– Принято. Как у тебя там? Есть симпатичные девушки?

– Я делом тут занят. Связи налаживаю, опытом обмениваюсь.

- Вот оно как.
- Ты как думал? Не до девок.
- Даже не верится.
- Знаешь, мне тоже. Ладно, Саша, до связи, удачи.
- Пока.

В зал вошла Аня.

Под тонким халатом – голое тело. Полы халата распахнуты. Он видит интимную стрижку и кое-что ниже, но не чувствует возбуждения. Стройное сочное тело, поддерживаемое в тонусе аэробикой и бесчисленными косметическими снадобьями, не вызывает прежнего томления духа. Он спит с Аней пару раз в неделю и не может сказать, что это ему неприятно, но в этом действе, от прелюдии до финала, нет сильного чувства. Он делает все механически, по инструкции, по накатанной, как-то стерильно. После секса со Светой он чувствует себя словно заново рожденным, лежа рядом с ней и медленно возвращаясь в реальность из параллельного мира, горячего, острого, влажного – а дома сразу идет в душ, чтобы смыть с себя фальшь. Это не то, на что он хочет тратить свою жизнь.

Он встал.

Аня подошла ближе, не сводя с него глаз.

- Приедешь сегодня поздно?
- Не знаю, – сказал он.
- Может, удержишься на минутку?

Не дожидаясь ответа, она расстегнула ему ремень. Сняв халат, она развернулась к нему спиной и встала на диван на колени.

Глава 4

Утром он открыл дверь в туалет и увидел, что унитаз полон мутной воды с отходами жизнедеятельности. Это случалось с регулярностью примерно раз в месяц, то есть было делом обычным.

В этот раз он знал виновника.

Им был он сам.

Вечером он вывалил сюда пласт кислого риса из пятилитровой кастрюли. Выгрузив рис в три присеста с помощью гнущейся алюминиевой ложки, он дернул за ручку сливного бачка и сразу понял, что дело плохо. Вода не пробилась в канализацию. Он вполголоса выругался. Дабы не быть застуканным на месте преступления, с кастрюлей и гнутой ложкой, он отнес их в комнату и стал думать, что делать, – стоя поодаль от туалета, на всякий случай.

«Ладно, – решил он, – вода камень точит» – и не стал ничего делать.

Это было вечером.

Утром стало ясно, что без профи не обойтись.

Из комнаты 604 вышла заспанная Ната Величко, однокурсница Саши, на ходу завязывая пояс короткого, выше колен, шелкового халата. На плече – махровое полотенце, в руке – пенал с туалетными принадлежностями, в карих глазах – сладкие хлопья сна. Нетронутые расческой темно-русые волосы спускаются на плечи в мягкой гармонии хаоса; несколько грубоватые, хотя и привлекательные черты лица припухли, а на левой щеке алеют рубцы, оставленные подушкой. Есть что-то деревенское в этом лице, что-то здоровое, живое, простое. Ната приехала из богом забытого поселка в Омской области. Среднего телосложения – не худая, не полная – она ласкала взгляды мужчин третьим размером груди и крепкими сильными бедрами, но не всякий из них чувствовал себя на коне, глядя в ее насмешливые глаза.

Саша был объектом самого пристального, неотступного внимания со стороны Наты. Отпуская шпильки в его адрес, она забалтывала его и спрашивала о верности Вике. Отшучиваясь, он задавался вопросом: что ей от меня надо? Развлекается? Пробует силу чар? Для самоуспокоения он отводил *чувствам* самую нижнюю строчку в списке.

– Привет! – она поздоровалась, сонно на него посмотрев.

– Хай! – он взглянул ей в глаза и тут же перевел взгляд на ее крепкие белые ноги.

– Выставочный Центр временно не работает, – сообщил он.

– В смысле?

– Потоп.

Она открыла дверь в туалет.

– Блин!

– К Андреичу надо. Он дрыхнет или с похмелья.

Положив пенал на эмалированную раковину (на соседней лежала фанера, что означало – «кран не работает»), Ната пошла в блок напротив, чтобы воспользоваться тамошним санузлом.

Саше пошел в дальний блок, с полотенцем через плечо.

Он вернулся через минуту-другую.

Склонившись над раковиной, Ната чистила зубы. Она скосила на него глаз, когда он вошел. Увидев ее в пикантном ракурсе, он раздел ее мысленно. Классная у нее попа. Если бы он захотел, то, пожалуй, давно бы увидел ее воочию – но он хранил верность Вике.

Он вошел в комнату.

Воздух здесь спертый, вязкий. Стараясь реже дышать, он пробрался к окну и открыл настежь форточку.

Сонное царство.

Орангутанг-брюнет спит на спине с открытым ртом, всхрапывая время от времени, а светловолосый уткнулся лбом в стену, спрятавшись под одеяло. Сергей Чудов и Слава Дерягин – тяжкий крест Саши на все эти годы.

Он возвратился в блок.

Здесь Ната с прежней энергией чистила зубы и вновь скосила на него карий глаз. Кажется, она улыбнулась.

Он вышел из блока в коридор, а из него – на балкон.

Город поздоровался с ним автомобильным гудком. Он был живой, этот город.

Вдохнув утренний воздух, Саша окинул взглядом привычный пейзаж. Вдали, прямо по курсу (туда убегала улица Каменская, скрытая за деревьями) торчала двенадцатиэтажная свечка, слева взмывали в небо осветительные мачты стадиона «Спартак» (он не раз на них лазил), а под ногами, слева направо и справа налево, асфальтовой рекой текла улица Фрунзе. Через улицу, напротив общаги, взгляд упирался в трехэтажный кирпичный корпус кондитерской фабрики, с фирменным магазином внизу (от фабрики вкусно пахло), а слева к ней примыкало здание Новосибирского института травматологии и ортопедии, название архитектурного стиля которого Саша не знал (у здания были колонны).

Он любил стоять на балконе и смотреть сверху на город. Снизу ты видишь меньше, мир прячется за зданиями и деревьями, и маленькое загораживает большое. Так и в жизни: нужно подняться над суетой, над сиюминутным, над бытом, чтобы увидеть путь и главную цель.

Всякий раз, когда он выходил на балкон, он вспоминал, как три с лишним года назад, в мае девяносто третьего, он стоял на балконе тремя этажами выше, в стельку пьяный. Навалившись грудью на перила и свесившись во тьму майской ночи, он выплескивал яд из желудка на черные кроны деревьев. Пили в честь сдачи первого вступительного экзамена, по иностранному языку.

Через два года он в последний раз выйдет на этот балкон. Еще целых два года. Или всего два?

Он вернулся в блок.

Наты здесь не было. Вдохнув смесь приятных запахов, оставленных ею, он почувствовал, как внутри сладостно защемило, потянуло, загло – и воображение подкинуло пару картинок. Они сразу исчезли как призраки. Через миг все успокоилось.

Он вошел в комнату.

Чудов проснется скоро, в течение получаса, а Слава – часа через два. Слава – проблема. Он смотрит телек чуть ли не до рассвета, а потом спит до обеда, и пушкой его не поднимешь. Старенький телевизор, взятый в общежитском прокате, с первого дня стал яблоком раздора в их без того не особо дружной компании. Он не умел показывать два-три канала одновременно. Мнения разделялись, спорили жарко. Как правило, побеждал Слава, в силу патологически развитого упрямства. Спорить с ним было делом нелегким – проще было махнуть рукой и избить его мысленно. Когда он нервничал и гнул свое, его бледное лицо покрывалось красными пятнами. Он лаял резко, отрывисто, не глядя тебе в глаза, и походил на бульдога. Как с ним общаться? Как ладить? Если раньше с ним проводили душевноразговорные беседы по поводу ночных бдений, то со временем бросили это дело. Бессмысленно. «Можно тише, а?!» – буркнул ночью, и все. Случалось, он засыпал перед включенным телевизором, и это просто бесило. Сволочь он, в общем. Мучаются с ним год. На что Чудов не сахар, и то с ним легче. Они вдвоем вынужденно дружат против Дерягина и даже в самые сложные времена идут единым фронтом на несговорчивого соседа. Как-то раз дело едва не кончилось мордобоем, до того накалились страсти. В периоды просветления Слава улыбался, шутил, не спорил по всякому поводу – одним словом, был человеком – но, к сожалению, это случалось редко. Его кумиром был Тайсон. В изголовье его кровати висел постер с Тайсоном в стойке. Мрачная физиономия Майка была зеркалом личности Славы. Знал ли он, как он тяжел? Он супертяжеловес, Слава

Тайсон. Трудно себя оценивать, да и не очень приятно – если пробовать быть объективным. Кто хочет вытащить из-под кожи что-нибудь грязное, слабое, подлое? Кто хочет выжечь в себе идола? Как жить после этого? Нет, пожалуй, не стоит. Думай о себе так, как хочешь о себе думать, наш Слава Тайсон. В конце концов, у тебя крепкие кулаки, крепкий лоб – это твои верные средства в битве за жизнь согласно теории Дарвина.

Теперь немного о Чудове.

Сергей Чудов был широкоплеч, кареглаз и имел обыкновение заигрывать с каждой встречной юбкой, а со многими – спать. Чем покорял он девушек – оставалось загадкой. Внешне он, по субъективному мнению Саши, не был красавцем. Брови темные и густые, над верхней губой-пельменем – наждачка, нос – а-ля Джимми Хендрикс, волосы через две недели после стрижки принимают форму шара, как у мальчика-негра, – одним словом, нечем похвастаться. Зато он улыбочивый, общительный и энергичный. Он тщательно следит за внешностью, по полчаса вертится перед зеркалом и обливается с ног до головы дешевым парфюмом, в особенности перед свиданиями. Он обхаживает девушек по старой стандартной схеме: цветы, театр, койка. С дамами он нежен, ластится к ним аки телок к мамке. У него были романы с библиотекарем и с администратором вычислительного центра, поэтому он может взять на ночь книгу, которую никому не дают на вынос, и сидеть за компьютером сколько душе угодно, сверх положенных двух часов. Со всеми бывшими он в дружеских отношениях, поэтому льготы бессрочны. Столь удачное сочетание чувств и выгод – феноменально. Что самое интересное – есть у него девушка в Харькове и есть планы взять ее замуж по окончании ВУЗа. Планы серьезные, как сам утверждает. Летом он ездит в Харьков – к ней и к бабушке с дедушкой. Бедная девушка. Ждет его, мучается, грезя свадебным платьем, а он ни в чем себе не отказывает.

У него еще много минусов, длинный-предлинный список. Он не любит хард-рок, и этим все сказано. Он любит сладенький поп. Магнитофон «Вега» – поле битвы, где два мира сталкиваются лбами. «Scorpions» – нейтральная зона. Кроме того, представьте себе человека, который: во время приема пищи трет рот тыльной стороной ладони (два быстрых движения – слева направо и справа налево); кричит по-тарзаньи под настроение; громко фыркает и кряхтит утром, вламываясь в комнату с полотенцем на шее; топает по слоновьи; любит петь и страшно фальшивит. Представьте – вы каждый день с ним вместе, в этой маленькой комнате-камере, вынужденно вместе, и антипатия ваша взаимна. Что вы чувствуете? Вы понимаете Сашу Беспалова?

Кстати, в том, что касается женщин, Дерягин был полной противоположностью Чудову. За все время у него был один роман, да и тот зачах на корню. Не до этого. Позже. Надо учиться. Надо много учиться. До ночи, а может быть, до утра. Под звук телевизора. Под раздражение соседей. Под мысли о собственной значимости и исключительности.

В общем, весело жили, да?

В тесноте и в обиде. Ограниченное пространство не спланивало – сталкивало. Три индивидуальности, три разных характера, три мира – и каждый думал, что он лучше знает, как надо жить.

Тем временем утренний моцион Саши шел своим чередом.

Он заправил постель и, включив чайник, бросил взгляд на Дерягина. Тот спал на спине, скрестив на груди руки. Странная поза, но он часто так спит. Он отгораживается от всех даже во сне.

Чудов ворочается, вздыхает, и это значит, что миг пробуждения близок. Он проснется, поднимет голову и возьмет часы с тумбочки, у изголовья кровати, чтобы сонно взглянуть на стрелки. Потом он сядет, выкрутит шею влево и вправо, встанет, оденется и, взяв умывальные принадлежности, с полотенцем на шее выйдет из комнаты. Перед дверью громко зевнет. Все предсказуемо, без вариаций.

Саша снял крышку с кастрюли. Кислым не пахнет. Вчера он сделал картошку с тушеной, традиционное местное блюдо. Сегодня очередь Чудова. Слава Тайсон сам себе повар, он готовит отдельно.

Саша включил плитку.

Раскопки кургана из грязной посуды дали два артефакта: эмалированную тарелку и алюминиевую ложку, обе с остатками древней пищи. Из-за кургана выбежал таракан и сразу юркнул за тумбочку. Их здесь много, целая армия. Война давно проиграна.

Он пошел мыть артефакты.

К тому времени как он вернулся, Чудов проснулся. Он надевал штаны.

– Картошка не скисла? – спросил Чудов.

– Нет.

У Чудова был слабый желудок, он то и дело поносил, поэтому степень свежести пищи была для него критична.

Саша знал, что будет дальше.

Чудов сунул в кастрюлю голову. Убедившись в том, что все в порядке, он вышел из комнаты с полотенцем на шее, топая по-слоновьи.

Вернулся он свежий и бодрый.

– Видел, а? – сказал он с порога, скидывая шлепанцы. – В сортире?

– Андреича надо звать.

– Классно!

На ходу вытерев полотенцем уши, Чудов повесил его на гвоздь, убрал щетку и пасту в тумбочку и встал перед зеркалом, вооружившись расческой. Несколько быстрых взмахов – и волосы выровнялись в площадку. Он недавно подстригся и еще не стал мальчиком-негром с прической-шаром а-ля Майкл Джексон в детстве.

Вытащив из кургана свои артефакты, Чудов пошел в блок. Как это часто случалось, он не вписался в проход между фанерными стенами – Бум! – стены содрогнулись, и он крепко выругался. Слава почмокал губами, но не проснулся. Парень спит крепко.

Позавтракав, Саша пошел за Андреичем, местным сантехником.

Андреич, пьяница неопределенного возраста, жил и работал в общежитии. Жил он с женой и шестнадцатилетней дочерью на первом этаже, в двух комнатах, в маленькой и побольше. Блок, где они жили, был разделен надвое кирпичной стеной, и в двух других комнатах, за стеной, хранился разный общажный хлам, с отдельным входом из коридора. Андреич был личностью колоритной: низенький, жилистый, скрюченный до горбатости, с редкими сальными волосами, под которыми желтела кожа, – он, когда был трезв, был всем недоволен и раздражен, а выпив, добрал ровно настолько, чтобы не слать на три буквы каждого встречного. Часто видели следующую картину: Андреич, сгорбившись колесом и загребая ногами, тащится по коридору с двумя сумками, каждая в треть его роста. В них глухо звякает стеклотара. Сдаст, а деньги пропьет. Жена пьет вместе с ним. Маленькая, страшная, неопрятная, она моет полы в общежитии сгнившей вонючей тряпкой. Они грызутся дено и ношно. Страсти не утихают. Крики разносятся по округе.

Их дочь Катя – девушка нервная, глупая, некрасивая. Она участвует в семейных ссорах, знает вкус водки и дважды сбегала из дома. Мать с отцом ей, слава Богу, не наливают, но найти выпивку не проблема. Ей не нравится водка, водка жжет горло, но после глотка-другого она чувствует себя лучше. Предки не в курсе, что полгода назад она стала женщиной и что первым ее мужчиной был кто-то из тех четверых студентов, с кем она трахалась в комнате на седьмом. Она выпила водки и сняла старые джинсы. К ней подходили по очереди, некоторые не по разу. Ей было не хорошо и не плохо. Она делала это назло. Назло предкам, назло целому миру.

Остановившись у блока, где жил Андреич, Саша постучал в дверь. Он знал, что звонок не работает.

Тихо.

Он постучал снова.

Снова ни звука.

Наконец он услышал, как в блоке открылась дверь и кто-то вышел из комнаты.

Лязгнула внутренняя задвижка.

На пороге стояла Катя: взлохмаченная, опухшая, в шлепанцах на босу ногу, в драном махровом халате. Она молча смотрела на Сашу.

– Батя дома? – спросил он.

– Может. Че тебе надо?

– Спит?

– Нет. А че?

– С сортиром проблема, забился.

– Не умеете плавать?

– А ты? Скоро и вас затопит.

– Ой, как страшно! В первый раз что ли?

Послышался сиплый и недовольный голос Андреича:

– С кем там треплешься? Холодно!

– К тебе.

Место Катки в дверном проеме занял Андреич – в грязной красной рубаше с закатанными рукавами и в вытянутых на коленях трениках то ли синего, то ли черного цвета. Он был с похмелья. От него шел такой дух, что Саша поморщился.

– Че тебе? – буркнул Андреич недовольно.

Он снизу вверх смотрел на Сашу красными белками глаз.

– Сортир забился.

– Срять надо меньше! – выругался Андреич, а затем перешел на мат.

Саша знал, что ему нужно как следует выматериться, и после этого с ним можно хоть как-то общаться.

– Только и знаю, что сортиры за вами чищу! – плюнул на пол Андреич.

Выдержав нужную паузу, Саша сказал осторожно:

– Может, ниже забилося, на пятом?

– Чистите сами! Нахер мне это надо? – буркнул Андреич. – Где? – все-таки спросил он.

– Где шестисотая.

– Новые русские хреновы! Как позавтракаю – приду!

Он бухнул дверью.

Не питая иллюзий, Саша отправился восвояси.

К его удивлению, Андреич пришел в их блок через полчаса.

Судя по всему, он опохмелился и был не такой злой, как вначале. Он принес единственный инструмент – стальной трос для чистки заторов – и надел резиновые сапоги по колено.

Войдя в туалет, он емко выругался и стал раскручивать трос.

Услышав шум в блоке, из комнаты вышли Саша и Чудов. Выглянула Величко.

Не обращая на них внимания, Андреич делал свое дело. Размотав трос, он подошел к унитазу и сунул его в мутную воду. Погрузившись сантиметров на тридцать, трос выгнулся. Прилагая усилия, Андреич стал проталкивать его дальше. В заполненном до краев унитазе начался шторм. Андреич не скупился на выражения. В конце концов справился. Волны схлынули, открылось дно моря, но то, что увидел Андреич, подвигло его на изречение длинной матерной тирады. Он дернул за ручку – и вода снова осталась в чаше.

Страшно ругаясь, Андреич бросил трос на пол.

После этого он сделал нечто ужасное.

Встав на колено, он сунул в унитаз руку. Натурально, по локоть.

Все обалдели.

Он все делал молча – что было ему несвойственно. В унитазе чавкало, сминалось, сопротивлялось.

– Ведро! – бросил он, не прерываясь.

Все стали думать: «Где взять»?

С ведрами проблем не было, но не отдашь же свое. Что потом – выкинуть?

Сашу вдруг осенило. Эврика!

Он быстро вышел из блока. Он шел на кухню.

Собственно говоря, кухней это было давно. В доисторические времена здесь готовили пищу на двух больших плитах, и одна из них до сих пор гнила у стены. В ее левой нижней конфорке, самой маленькой, едва теплилась жизнь.

Антисанитария на «кухне» могла шокировать кого угодно, но только не местных. Человек ко всему привыкает, только благодаря этому он до сих пор не вымер как вид. Две раковины были забиты грязью, краны – разукomплектованы, а рядом с мусоропроводом чернела огромная зловонная куча, где-то по пояс, вокруг которой роем кружились мухи разных цветов и размеров. Периодически мусоропровод чистили, с кучей тоже боролись, но через какое-то время, от недели до месяца, она вновь появлялась. Таков был закон местной природы. Когда Саша и Чудов жили в комнате рядом с кухней, они чувствовали близость кучи: пахло не розами, а ползающие и летающие то и дело брали приступом их тесную келью. Для временной победы над ними требовался дихлофос.

Саша шел на кухню за тазом. Оранжевый эмалированный таз лежал там давно, несколько месяцев, и никто не зарился на него, так как он был грязный и с одной ручкой.

Задержав дыхание, Саша толкнул дверь и вошел. Вонь адская. Обогнув смердящую кучу, он брезгливо, двумя пальцами, взял таз и, держа его на вытянутой руке, вышел. Прикрыв за собой дверь, он перевел дух.

Газовая камера.

Вернувшись в блок, он поставил таз рядом с Андреичем.

Тот стал складывать в таз месиво из унитаза: рис вперемешку с говном и туалетной бумагой.

– Еще раз засрете – сами будете чистить!

Шоу было прикольное. Все улыбались. Все, кроме Андреича.

Свернув трос в кольцо, он бросил его на пол. Он подошел к раковине, собрался открыть кран, но вспомнив, что руки у него, так скажем, грязные, буркнул:

– Ну!

Ната выполнила его просьбу.

Он вымыл руки без мыла и снова взял трос. Show must go on. Шаркая ногами в резиновых сапогах, он пошел к выходу.

– Таз, – робко напомнил Чудов.

– Мой что ли? – буркнул Андреич и был таков.

Саша и Чудов переглянулись.

– Твоя очередь, – сказал Саша.

Чудов не стал спорить.

Был теплый сентябрьский вечер. В тихом желтом углу Центрального парка они сели на лавку. Саша рассказывал Вике об утреннем шоу с Андреичем. Слушая его, Вика коротко выражала эмоции междометием «Фу!», морщилась, но в конце рассмеялась: «Жаль, я не видела».

– Завтра сварим рис и вывалим в унитаз.

– Тогда точно сам будешь чистить. У меня есть идея получше. Приезжай завтра к нам. Я потушу овощи.

– Ленка не против? Ездят тут всякие, кушают.

– Ленка «за». Тебе, кстати, не кажется, что в последнее время она неровно к тебе дышит?

– Нет. В любом случае она тебе не конкурент. Она не такая умная и не такая красивая.

– Но ты же представлял, как вы занимаетесь сексом?

– Нет.

– Ни разу?

– Нет.

– Не верю.

– Я тоже. Между прочим, если сдерживаться, может развиваться невроз.

– А ты не сдерживайся.

– Если серьезно, то нас загоняют в рамки: не делай это, не говори то, не думай так, – он заговорил другим тоном, без тени шутки. – В шаблоны. Кто решил, что нормально, что – нет? Кто решил, что хорошо, что – плохо? Кто-то. Не я. Если я сейчас встану и сниму джинсы, то почтенная публика вознегодует – так нельзя! Если я скажу преподаше, что она дура, хоть кандидат и доцент, что будет? Нам вдалбливают с детства: дитяtko, это *нормально*, а это – нет. Делай так-то и так, и мы будем гладить тебя по головке. Живи как все – спокойно, удобно, не высовываясь. Когда поднимаешься, смотришь сверху – хочется драться.

– С кем?

– С обществом. С правилами. Если идти легким путем, надо делать вид, что ты один из них. Думать одно, говорить и делать – другое. Если *им* нравится, ты – молодец. Но я, Вик, не хочу держать язык в заднице. Не хочу тявкать как москья. А если так, то нужно плыть против течения. Или самому стать течением.

– За это могут убить.

– Если убьют, то позже поставят памятник. Тоже неплохо, да?

– По-моему, главное – это быть свободным внутри. Необязательно менять мир. Он того не заслуживает. Ну его нафиг.

– Если кому-то суждено изменить мир, он это сделает. Если может плыть против течения – бросится и поплывет. Это не выбирают.

– Кто ты?

– Я не сдамся.

Вика смотрела на него с интересом.

– Если что, я с тобой.

– Точно?

– Да. Давай вернемся к тому, с чего начали. Тебе нужно предложить Ленке заняться сексом. Если сдержишься, то, во-первых, будешь частью системы, а во-вторых, станешь невротиком.

– Именно так.

– Завтра скажешь ей это при личной встрече.

– Конечно.

Они продолжили путь по тихой аллее парка – усыпанной желтыми листьями и подсвеченной теплым сентябрьским солнцем. Обнимая Вику за талию, Саша был счастлив. Вика любит его, а он – ее. Все остальное не важно.

Мир подождет.

Глава 5

Виктор Моисеев был практичен, хладнокровен, умен и чувствовал себя в бизнесе, как рыба в воде. Бизнес был его жизнью, его детищем, источником благосостояния – всем. Он любил деньги, любил то, что они давали, все возможности, которые есть у того, у кого есть деньги – но еще неизвестно, от чего он получал больше удовольствия: от результата или процесса.

Он был харизматиком. Худощавый и рыжий, он зачесывал волосы назад и имел обыкновение не моргая смотреть на визави ярко-зелеными глазами, в то время как слушал или говорил, что действовало гипнотически. Он умел убеждать, просчитывать людей и события, а еще он был жестким, иногда – жестоким, когда дело касалось его интересов. Складывалось ощущение, что люди для него – лишь инструменты. Цель оправдывает средства – это о нем. Совесть не слишком ему докучала.

На него смотрели с обочины дороги, по которой он шел к своей цели, то есть к могуществу и богатству, смотрели с ненавистью, завистью, обожанием – и не было равнодушных. Он не смотрел на них. Он не оборачивался. Он жил настоящим и будущим. В его прошлом остались деспот-отец, мать, плакавшая ежедневно и состарившаяся раньше времени, ментовские пьянки на тесной кухне, восемнадцатилетняя девушка, подсевшая на героин и покончившая с собой, когда он бросил ее, вдова Димы Прянишникова, выведенная из бизнеса, – это не стоило того, чтобы вспоминать, отвлекаться, сбавлять скорость.

Если бы у него спросили, в чем смысл жизни, он сказал бы, что ее смысл в том, чтобы жить. Чтобы брать больше и рисковать. Он не верил в Бога, не понимал тех, кто боялся кары небесной, и жил на полную, считая пустой тратой времени философствование о сущности сущего, о смысле жизни, о предназначении человека. Судя по нему – во всяком случае, по внешней, видимой стороне его личности – он редко чувствовал неуверенность в завтрашнем дне и неудовлетворенность днем текущим. Он был Скорпионом, ярко выраженным представителем этого знака – энергичным, упорным, самоуверенным. Пользуясь успехом у женщин, он относился к ним потребительски. Прощаясь с ними без сантиментов, он двигался дальше. Психолог сказал бы ему, почему он такой и так относится к людям, в том числе к тем, кто его любит, – но он не жаловал мозгоправов.

Его женщины испытывали к нему амбивалентные чувства. Страдая от его жесткости и своеобразной манеры общения («Не нравится – вон, красавица!»), они, как правило, цеплялись за него до последнего и еще долго не могли прийти в себя после разрыва. Если кто-то и вздыхал с облегчением, когда отношения прекращались, то через какое-то время их все равно тянуло к нему: к его жесткости, к внутренней силе. Они тщетно пытались вернуться. Он не входил в одну реку дважды.

Союз Моисеев-Беспалов стал чистой воды случайностью.

В институте они учились в разных группах, не общались друг с другом и не стремились к общению, и вдруг у них общий бизнес. Друзьями они не стали, но и врагами – тоже.

Nothing personal, it's just business.

Пожалуй, самые крупные разногласия случились в две тысячи первом, незадолго до гибели Прянишникова. Тогда речь шла о покупке хлебокомбината. Областная администрация выставила на продажу семьдесят пять процентов акций, и этот лот, привлечший внимание Моисеева, вызвал долгие жаркие споры. Он доказывал, что нужно брать (на кредитные деньги), Прянишников колебался, а Саша был против категорически. По его мнению, было бы чистым безумием вбухивать столько денег в акции, чтобы потом влить еще больше в спасение тонущего гиганта. Тем более, хлеб – не их профиль. Для дебюта в реальном секторе случай неподходящий. Поколебавшись, Дима занял его сторону, и акции не купили.

Когда Дима погиб, команда сократилась до двух человек. Отныне это была другая команда. Голый прагматизм, на котором все держалось. Не было точек соприкосновения за периметром бизнеса, не было теплых чувств, многое не понималось, не принималось друг в друге, но и повода для разрыва не было. Дело спорилось, деньги множились, и ради этого жертвовали личными симпатиями и антипатиями. Анализируя свое отношение к Моисееву, Беспалов признавал, с неприятным для себя чувством, что их бизнесу *нужен* такой человек – беспринципный, не обремененный грузом моральных принципов, пробивающий каменные стены и стены живые. Время от времени Саша тоже заключал сделки с совестью, и стоило над этим подумать.

После смерти Прянишникова они вернулись к вопросу о переходе в реальный сектор и вскоре стали владельцами мясоконсервного комбината.

Глава 6

– Привет!

Измерив длинными шагами пространство кабинета, Моисеев протянул ему узкую крепкую руку. В другой он держал темно-синюю папку с желтой надписью: «Пищевые технологии – 2007».

– Привет. Как добрался?

– Нормально.

– Кофе будешь?

– Можно.

Александр нажал клавишу на телефоне:

– Оксана, сделай два кофе, пожалуйста. Мы будем в переговорной.

Они прошли в комнату, официально именуемую переговорной, а неофициально – комнатой отдыха, и сели на угловой диван.

– Как погода в столице?

– Дождь. У нас лучше. Вот, глянь на досуге, здесь самое интересное с выставки. – Моисеев передал ему папку. – Вообще, дело нужное. Может, на следующий год тоже выставимся? И надо подумать о заморозке.

– Что будем делать с Белявским? По-моему, надо с ним попрощаться. Чем быстрее, тем лучше.

– Согласен. На дыбу его вздернем, чтобы сознался.

Виктор улыбнулся. Зеленые глаза оставались холодными. Если бы он жил лет пятьсот назад, ему, пожалуй, доставило бы удовольствие собственноручное учинение пытки.

В дверь постучали.

Вошла Оксана с подносом.

Строгий черный костюм. Убранные в хвост темные волосы. Свежее лицо. Карие глаза. Стройная фигура. Природная грация. Филологическое образование. Свободный английский. Двадцать пять лет.

Она нагнулась возле низкого столика, и юбка, обтягивавшая бедра, обтянула их еще туже. Не стесняясь, Моисеев открыто скользил взглядом по всей длине ее ног – от бедер до щиколоток и обратно, смотрел как барин на собственность, и, к счастью, она не видела его взгляд. Он имеет на нее виды и даже делал ей недвусмысленные намеки. В другой ситуации он действовал бы нахрапом, в свойственно ему стиле, но он сдерживается, так как его партнеру по бизнесу не нравятся его чувства. Достаточно того, что Витя трахает свою секретаршу, дурочку Олю. Укладываясь грудью на стол, та получает взамен благосклонность босса, подарки, премии и своего рода статус. Хоть бы людей постыдился, они все видят, все знают. Ему этого мало. Он подбивает клинья к Оксане. Не имея возможности послать рыжеволосого председателя Совета директоров, та терпит его и, кроме того, терпит Олю, с которой у нее не складываются добрососедские отношения и которая – вот смех-то! – ревнует ее к Вите. Однажды Оксана не выдержит и уволится, а перед этим, быть может, даст Вите по роже.

– Спасибо. – Беспалов встретился взглядом с Оксаной.

Он всегда так делал, это было приятно.

– Пожалуйста, Александр Александрович. – Она улыбнулась и вышла.

Он взял чашку с блюда и сделал глоток крепкого черного кофе.

– Повезло тебе, Саша, – сказал Виктор, потянувшись к своей чашке.

– В смысле? – Сделав еще глоток, он почувствовал, как что-то неприятно шевельнулось внутри.

– Я об Оксанке.

– Да, повезло. – Его голос был холоден. – Но не так, как тебе с Олей.

Сморщившись как от кислого, Моисеев сказал:

– Эта сучка меня, блин, достала. Долбанная принцесса.

Не отличаясь чуткостью и деликатностью, Витя не видел ничего зазорного в том, чтобы обсудить какие-нибудь интимные подробности, и удивлялся людям вроде Саши Беспалова, из которых слова не вытянешь.

– Витя, объясни ей, пожалуйста, что она шлюха, а не первая леди.

Моисеев согласился с ухмылкой:

– Шлюха, точно. Задница у нее классная, а то бы давно дал ей пенделя. Ладно, я с ней пообщаюсь.

«Витя умеет вести душевительные беседы, он в этом мастер».

– Знаешь, кого в Домодедово встретил? – Виктор сменил тему. – Толю Пархома. Помнишь?

– Он жил в общежитии. Полный придурок. Однажды чуть в морду ему не дали, когда он в комнату к нам ввалился. Пьем пиво, песни под гитару поем – и тут два этих чуда, он и друг его, пьяные в дупель. Кайф нам сломали.

– Он в Кемерово летел. Пьяный. Рейдеры бизнес забрали. Может, слышал – «Сибуголь»?

– Нет.

– Он открыл эту лавку в доле с бывшими бандитами. Несколько лет жили дружно, гнали уголь составами, даже офис в Москве купили, с видом на Кремль, а потом, как водится, бабки не поделили. Толика чуть не грохнули. Теперь у него нервный срыв. Водку жрет. Сказал, станет монахом.

– О!

– Перепил малость, – продолжил Виктор. – Говорит, надоело так жить. Еще он сказал, что когда пистолет к башке приставляют, многое переоцениваешь.

– А когда нож к горлу?

Он следил за реакцией Виктора.

– Даже не успел испугаться. Только подумал – зарежут как хряка.

Виктор допил кофе.

При воспоминании о случае восьмилетней давности что-то жесткое появилось на его лице. Без сомнения, те события оставили в нем след, тонкий рубец в душе – что бы он ни говорил, как бы внешне ни относился.

В декабре девяносто девятого они поехали в Черепаново – что в Новосибирской области, в ста километрах от центра России – для закупки мяса у местного комбината. По дороге у них сломалась машина, кое-как ее починили и наконец прибыли в пункт назначения выжженным декабрьским вечером. Страшное захолустье. Глушь. Город с очень большой натяжкой. Поселившись в трехэтажной гостинице в люксах (удобства не в коридоре, а в номере, в этом весь люкс), они решили отужинать в маленьком трапезном баре через дорогу: выпить, расслабиться и – кто его знает? – может быть, встретиться с девушками.

Ужин не задался.

Под недружелюбными взглядами местных нетрезвых жителей расслабиться не получилось. Напряжение чувствовалось с первой минуты. Явственно пахло дракой. Кое-как выпили, закусили, без настроения, и быстренько двинули к выходу.

На улице их ждали. Четверо. Двое с ножами. Виктору приставили нож к горлу в прямом смысле этого слова.

В общем, банальный разбой. Жизнь или кошелек.

Когда все закончилось, Витя позвонил папе. Дрожа от ярости, он рассказал все в подробностях, описал приметы грабителей (запомнил он на удивление много) – и уже через каких-то десять-пятнадцать минут местные стражи порядка были подняты по тревоге. Еще бы – огра-

били сына полковника областного УБЭПа! Рьяно взявшись за дело, искали несколько дней, но – не нашли. Даже тощего лысого парня, явно бывшего зека. Отец Виктора был взбешен. Он хотел всех уволить, но местным сошло с рук. Дело закрыли.

– Спасибо за кофе, пойду, – сказал Виктор, вставая. – С Белявским поговорю, прочищу ему мозги. Но скоро мы его выгоним.

Они прошли в кабинет, и Виктор вышел в приемную.

Оксаны здесь не было. Ольга делала вид, что работает. Она встретила шефа улыбкой, но стерла ее, увидев его каменное лицо.

– Оксана придет – зайди, – сказал он ей холодно.

– Да, Виктор Александрович.

Всматриваясь в него, она пыталась понять, в чем провинилась.

Более ничего не сказав, Моисеев прошел к себе.

Он подошел к окну.

Солнце жарит нещадно. На небе ни облачка. Полный штиль. Пыль. Над размягченным асфальтом – томное марево. Мычат коровы, предчувствуя скорое умерщвление. Водитель «Волги» залез под капот и чинит что-то в старых изношенных внутренностях. Все это там, за стеклом, а здесь, в кабинете, прохладно и чисто. Так и должно быть.

Он сел в кресло.

Через минуту вошла Ольга.

Она была напряжена. Он молча смотрел на нее, и она чувствовала, что сейчас что-то случится. Что-то очень плохое.

– Как поживаешь? – спросил наконец он.

– Я соскучилась по тебе.

– Закрой дверь.

Это вселило в нее надежду. Он хочет заняться с ней сексом. Ей нравилось, когда они делали это здесь, в кресле, у стены, на столе, а больше всего – у окна: она любила стоять, опершись локтями о подоконник, смотреть в окно и чувствовать, как он входит в нее. Она быстро кончала. Ее возбуждал риск, что их могут увидеть с улицы. Не меньшее удовольствие доставляла ей мысль о том, что там, в приемной, Оксана все знает. Только ей – единственной из всех – она все рассказала, тогда как другие довольствовались намеками и двусмысленными улыбками. Она хотела похвастаться перед Оксаной и что-то услышать взамен, но, увы, та разочаровала ее и еще, сучка, усовестила ее за связь с Витей. У них с Беспаловым скука. Ничего не было. Он не пытался сблизиться с ней. Странно. Кончится тем, что ее трахнет Витя – с него станет. Дурочка, в общем. Спать с боссом – первое дело для секретарши.

Щелкнув дверным замком, она подошла к Виктору. Смешивались напряжение и предвкушение. Она в самом деле соскучилась. Она могла бы дать парню, с которым познакомилась на дискотеке, но – обломала.

– Сними юбку, – скомандовал Виктор.

Он по-прежнему сидел, откинувшись на спинку черного кресла.

Повинуясь властному голосу, Ольга взялась за юбку. Не глядя на Виктора, она расстегнула молнию, пуговицы, спустила юбку и сняла ее через туфли.

Под юбкой были белые трусики и длинные стройные ноги, чуть тронутые загаром.

– Все снимай, – сказал он.

Что-то новенькое. Обычно они делали это в одежде, что было практичней, пикантней и безопасней. Что Витя задумал? Что это с ним?

Она сняла блузку.

Ей было зябко. Кондиционер работал на полную мощность. Кожа покрылась мурашками.

Глаза Виктора тоже были холодными.

– Стесняешься? – спросил он.

– Нет.

– В чем тогда дело?

Она закинула руки за спину, расстегнула бюстгальтер и потянула вниз чашечки. Грудь, одна чуть больше другой, плавно качнулись на холоде. Соски съежились, кожа покрылась мурашками.

Снимая последний предмет одежды, она залилась краской.

Глядя на русые волосы на ее лобке, он подумал о том, как много фальши в этой крашеной глупой блондинке. Вот она – правда. *Голая* правда.

– Встань на стол, на колени, – скомандовал он.

Вся пунцовая, Ольга сняла туфли, встала на стул и дальше – на стол для совещаний, приставленный буквой Т. Встав на колени, она прогнулась как кошка и посмотрела ему в глаза – с вызовом и вопросом. Ее грудь висела в просвете между предплечьями.

Наклонившись вперед, он сказал:

– Я хочу, чтобы ты поняла: то, что ты стоишь здесь с голым задом, не значит, что надо этим гордиться и всем это разбалтывать. Скромность украшает человека. Может, поженимся? А? Хочешь?

Девушка опустила взгляд.

– Да или нет? – жестко спросил он.

– Что если да?

Она села на стол, скрестив согнутые в коленях ноги и обхватив их руками.

– Я пошутил. А ты подумай над тем, что услышала, ладно?

– Да.

– Вот и отлично. Оденься и сделай мне кофе.

Она спустилась на пол, оделась и, не взглянув ни разу на Моисеева, вышла. Она решила уволиться. Рыжая мразь. Обращается с ней как со шлюхой. Цирк тут устроил! Гребаный воспитатель! Пусть сам себя трахает! Сам делает кофе!

Немного остыв, она сделала кофе. Она вошла к Виктору с гордым независимым видом, с внутренним пламенем, твердо намереваясь выдержать образ, но – не выдержала. Уже через минуту она стояла возле окна со спущенной ниже колен юбкой, и он входил в нее сзади.

Во время оргазма она раздумала уволняться.

Глава 7

Саша вышел из блока и вдруг спохватился: забыл деньги. Никто не нальет пиво бесплатно.

Надо вернуться.

Он не был суеверным. Случалось, плевал через левое плечо и стучал три раза по дереву в редкие мгновения слабости, вот, пожалуй, и все. Он не клал деньги под пятку перед экзаменом, не боялся черных кошек и чертову дюжину, ел из тарелок с трещинами и не смотрелся в зеркало, когда возвращался.

Из блока напротив вышел заспанный и взлохмаченный Родя Клевцов. Как правило, Родя пребывал в одном из трех состояний: слегка пьяный, пьяный в дупель, с похмелья. Он музыкант и поэт. Учится абы как, с четверки на тройку, но учителя его любят. Голубые глаза из-под шапки светлых волос смотрят загадочно и необычно. Есть внешнее сходство с Куртом Кобейном, есть хриловатый надрывный голос; кроме того, он левша – в общем, он местный Курт. «Nirvana» – его любимая группа. Жаль, два с половиной года назад Курт Кобейн разнес себе голову из ружья и больше ничего не напишет и не споет. Он мертв. Но он жив. Живей многих живых. Это как посмотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.